

АНТИЧНЫЙ ГЕРОЙ

С. Б. Джимбинову

I

Солнечной Аттики выбелен известняк,
смотрится в море южный Пелопоннес.
Время — на пять теней, на один сквозняк,
солнце клонится вниз, обретая вес.

Скоро пойдут дорийцы ловить прилив,
путник усталый — пресной искать воды.
Скоро пойдут данайцы снимать с олив
тёмные золотистые их плоды.

Солнце глядит на Аргос, ползёт с холмов,
тянется вечер пыльной тропой к богам, —
в Аттику до Афин, где у всех домов
стены белы и падает свет к ногам.

Страстным тетраметром уличная строфа
ляжет на память, чтобы сменить века, —
там, где любимец музыки Аристофан,
щурясь от солнца, смотрит на облака.

II

Анаксимандр не спит. Сбегает по плечам
вселенский тихий свет сквозь лунную дыру,
где Апейрон плывёт — начало всех начал,
и неба полотно трепещет на ветру.

Анаксимандр не спит. Бессонны и вольны
раздумья и тоска, где город за спиной,
где Никты бродит тень под заговор волны,
и солнце до утра ушло за край земной.

Есть время, чтоб смотреть, как тают корабли,
в морскую темноту ныряя как в проём,
земного вещества высчитывать объём,
и верить, что не тьма — огонь вокруг земли.

III

Андрокл, мой друг, выходи на бой.
Мы снова встретились здесь с тобой —
из всех двуногих существ навек
единственный человек

ты, пред которым как прежде слаб
лев и невольник. Такой же раб,
такой же пленник своей страны —
мы в этом теперь равны.

Андрокл, мой друг, убери свой щит.
Ревут трибуны, — их рёв, как шип,
в песок вонзается, в тонкий нерв
земли, и взмывает вверх.

Сквозь боль и страх ты меня узнал,
цвет неба синий, цвет крови ал.
Пусть видят боги — в ответ врагам
ложусь я к твоим ногам.

Андрокл, ты слышишь, мой верный брат,
о чём они все молчат?

СЕМЬ ДНЕЙ

ένας

теодоро

алоха оэ поёт он немного сипло
да лёску на спиннинг наматывает зевая
и ветром носима песня его живая
о дальних гавайях
под утренним солнцем кипра

алоха оэ рыбацкая ли отрада
смотреть как вскипает пена у стен скалистых
и видеть как вдоль побережья бредут туристы
а в море сверкает
жирной спиной дорада

алоха оэ поёт он и слышит чутко
как ветер доносит голос другой эпохи
алоха оэ он вторит ему алоха
и громко смеётся
как самой удачной шутке

δυο

у маман купальник в горошек чёрный,
крем от солнца плавится на носу.
ваня! ваня бегают, увлечённый,
он девчонку дёргает за косу.

у девчонки розовая панама,
и косица тоненькая блестит.
дебра! дебра тоже не слышит маму,
дебра жаждет мальчику отомстить.

на ветру с парео кивает фикус,
зеленея листьями, как напасть.
муж с женой сидят, обсуждая киккос,
с чем едят, и как бы туда попасть.

янек! янек выбрал себе заботу —
отерев испарину у виска,
не спеша, как местные киприоты,
бастион выстраивать из песка,

приносить, как ветер стихает, терпок,
искры моря в детском своём ведре,
и смотреть, как с пляжа идёт эвтерпа,
и зовёт кого-то: андре! андре!

триа

на закате море отходит к небу
добавляя зелени в горизонт
мы идём по берегу глядя немо
в истончённый солнцем сухой озон
по колючим кочкам сбегают тени
первых птиц под вечер слетевших вниз
и волна под лапы морских растений
подбираясь вновь не жалеет брызг
утопая в сумерках лёгких синих
с зеленцой последнею над волной
мама море круглое — скажет сын мне —
словно мяч игрушечный надувной
у него внутри беспокойно кружат
золотые рыбки — вперёд и вспять
помолчав ответчу — идём на ужин
побыстрее надо не опоздать
вдоль камней стоящих вокруг как нэцкэ

вслед смотрящих пристально и темно
он идёт мечтая о чём-то детском
я иду задумавшись о земном

τέσσερα

посмотришь вниз такая пустота
посмотришь вверх — не менее сурова
вот берега растаяла черта
нырнула и не вынырнула снова
и стороны прикидывать на глаз
осталось лишь по солнцу и по тучам
когда с землёй единственная связь —
пустая лодка с гнёздами уключин

о море море вечно мы пестрим
над бездною летящие по кромке
где в глубине свивается гольфстрим
в бечёвки вод в узлы её воронки
и всё живёт и дышит и кипит
всей сущностью неведомой природы
и тень моя огромная как кит
скользит по дну не вспенивая воду

πέντε

ждите на месте — так говорит наргиз —
перезвоню разведав пути попроще
горы — залиты солнцем по самый бриз —
вверх устремились к роцам

блеклым оливковым выжившим без воды
преодолевшим плотность земного слоя
мы заблудились глядя как тает дым
плавится золотое

снова звонок — ну как там наргиз куда
нам выдвигаться дальше в какую эру
солнце в зените и ждёт нас внизу вода
в уличных периптеро

ξξι

сидит один у моря под зонтом
зарыв в песок бутылъ с водою пресной
и неподвижный тёмный как фантом
он оживает — только чтоб на местном

чуть резковатым голосом прервать
лихой заплыв какого то страдальца
а иногда засунув в рот два пальца
вдруг засвистеть и снова замолчать

но чаще только собственную тень
он видит за отсутствием примера
и отвечает эхом — калимэра
на редкое хелло и добрый день

επτά

когда под вечер из тумана
вдруг проступает чёткий вид
под ноги сыплется лантана
чей цвет красив и ядовит

и луч последний в море сгинув
пройдя у мыса над виском
бока зелёных апельсинов
отметит солнечным мазком

ты вдруг увидишь ясно остро —
волна подкатится к песку
и в темноту потянет остров
как в море брошенный лоскут